

u(φ_p)(p, φ)
835

835

БИБЛИОТЕКА
Красноярского ГУ
Инв. № 148609

VII

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

УПРЯМЕЦЪ КЕРАБАНЪ.

[Keraban-le-tête].

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КрасГУ

A643507B

03.09.07

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, 12, соб. домъ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежн.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВЫ.

СТР.

I. Фанъ-Миттенъ и его слуга Бруно прогуливаются, смотря на, не понимая, что такое происходит.	3
II. Управляющей Скарпантѣ и капитанъ Ярхудъ обсуждаютъ планы, о которыхъ не излишне знать.	15
III. Керабанъ весьма изумленъ встрѣчью со своимъ другомъ Фанъ-Миттеномъ.	22
IV. Господинъ Керабанъ, болѣе чѣмъ когда-либо заупрямившися, оказываетъ сопротивленіе Оттоманскимъ властямъ.	32
V. Керабанъ на свой манеръ обсуждаетъ способы путешествій, и отправляется въ путь изъ Константино-поля.	39
VI. Путешественники начинаютъ испытывать нѣкоторыя затрудненія, главнымъ образомъ въ дельтѣ Дуная.	48
VII. Лошади изъ страха дѣлаются то, чего не могли сдѣлать подъ бичемъ ямщика.	57
VIII. Авторъ охотно познакомится съ молодою Амазіею и ея женихомъ Ахметомъ.	67
IX. Планъ капитана Ярхуда едва не удался.	77
X. Ахметъ принимаетъ энергическое рѣшеніе, указанное, впрочемъ, обстоятельствами.	85
XI. Къ фантастической исторіи примѣщивается немножечко драмы.	93
XII. Фанъ-Миттенъ разсказываетъ исторію съ тюльпанами, быть можетъ, небезинтересную для читателей.	102
XIII. Наискосъ переѣжаютъ по древней Тавридѣ, пользуясь для этого особаго рода упряжью.	111
XIV. Керабанъ выказываетъ себя болѣе свѣдущимъ въ географіи нежели думалъ его племянникъ Ахметъ. .	122
XV. Керабанъ, Ахметъ, Фанъ-Миттенъ, и ихъ слуги разыгрываютъ роли саламандръ.	131
XVI. Разбирается вопросъ о преимуществахъ табаковъ, персидскихъ и малоазіатскихъ.	141
XVII. Происшествіе чрезвычайной важности, заканчивающее собою первую часть этой исторіи.	153

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

.. Вновь обрѣтаютъ господина Керабана, взбѣшенаго тѣмъ, что его везли по желѣзной дорогѣ.	165
II. Фанъ-Миттенъ рѣшается уступить настойчивымъ совѣтамъ Бруно, и что изъ этого вышло.	176
III. Бруно выкидываетъ съ своимъ пріятелемъ Низибомъ штуку, которую читатель охотно ему простить.	192
IV. Все совершается посреди грохота, грома и блеска молний.	201
V. О чѣмъ бесѣдуютъ и что видятъ на пути отъ Атины до Требизонда.	210
VI. Рѣчь идетъ о новыхъ лицахъ, которыхъ Керабанъ встрѣчаетъ въ Риссарскомъ каравансараѣ.	227
VII. Требизондскій судья приступаетъ къ слѣдствію съ помощью остроумнаго пріема.	232
VIII. Конецъ, весьма неожиданный, особенно для друга Фанъ-Миттена.	240
IX. Фанъ-Миттенъ, обручившись съ высокородною Сарабулью, имѣль честь сдѣлаться шуриномъ г. Янара.	249
Х. Герои этой исторіи не теряютъ ни дня, ни часа.	260
XI. Керабанъ присоединяется къ мнѣнію проводника пріятѣлъ мнѣнія своего племянника Ахмета.	271
XII. Сообщается нѣсколько словъ, которыми обмѣнялись благородная Сарабуль и ея новый женихъ.	279
XIII. Керабанъ, одолѣвъ своего осла, одолѣваетъ затѣмъ и своего смертельнаго врага.	289
XIV. Фанъ-Миттенъ пытается уяснить положеніе для благородной Сарабули.	301
XV. Керабанъ оказывается болѣе упрямымъ, чѣмъ когда-либо.	310
XVI. Лишній разъ доказывается, что случай—наилучшій устроитель дѣлъ человѣческихъ.	317

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Фанъ-Миттенъ и его слуга Бруно прогуливаются, смотрятъ, не понимая, что такое происходитъ.

16 августа съ 6 часовъ вечера, площадь Топъ-Ханэ, въ Константинополь, обычно такая оживленная толпою, ея толкотнею и говоромъ, была безмолвна, мрачна и почти пустынна. При взглядѣ съ верха лѣстницы, спускающейся къ Босфору, картина представлялась дивная, но въ ней недоставало людей. Виднѣлось всего лишь цѣсколько иностранцевъ, быстрыми шагами углублявшихся въ узенькія, мрачныя и грязныя и наполненные желтыми собаками улицы, ведущія къ предмѣстью Перѣ. Тамъ находится особый, отведенный европейцамъ кварталь, бѣлые дома которого рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ кипарисовъ, покрывающихъ возвышенность.

Эта площадь и сама по себѣ очень живописна, даже безъ тѣхъ пестрыхъ одеждъ, которыя обычно украшаютъ ея передний планъ, и живописна и усладительна для глазъ, съ ея Махмудовою мечетью, стройными минаретами, съ ея хорошенькимъ фонтаномъ въ мавританскомъ стилѣ, въ настоящее время лишеннымъ своей кровельки целестинской архитектуры, со своими лавочками, гдѣ продаются шербеты и тысяча всевозможныхъ лакомствъ, со своими палатками, въ которыхъ навалены груды тыквъ, смирнскихъ дынь, сктарійского винограда, составляющихъ живописный контрастъ съ выставками купцовъ, торгующихъ благовоніями, и продавцовъ четокъ, со своею лѣсницею, внизу которой толпятся сотни причудливо изукрашенныхъ каиковъ, которыхъ широкая весла въ могучихъ рукахъ лодочниковъ словно ласкаютъ, а не ударяютъ голубыя воды Золотого Рога и Босфора.

Но куда же въ этотъ часъ дѣвались всѣ сбычные посѣтители площади Топъ-Хане, всѣ эти персы, въ своихъ кокетливыхъ барашковыхъ шапкахъ, эти греки, не безъ изящества потряхивающіе своими фустанеллами съ тысячами складочекъ, эти черкесы, почти всѣ одѣтые въ военную форму, эти грузины, остающіеся русскими по одеждѣ даже заграницею своей родины, эти арнауты, которыхъ загорѣлая отъ солнца кожа выступаетъ сквозь вырѣзки ихъ просторныхъ расшитыхъ куртокъ, и наконецъ, эти турки, эти османлы, эти сыны древней Византіи и старого Стамбула,—гдѣ всѣ они?

Разумѣется обѣ этомъ не стоило и спрашивать тѣхъ двухъ иностранцевъ, двухъ людей запада, которые въ этотъ часъ почти одни только какъ-то перѣшитѣльно шагали по площади, бросая вокругъ пытливые взгляды. Они, конечно, ничего не съумѣли бы отвѣтить.

Но этого мало. Даже въ самомъ городѣ, по ту сторону порта, забѣжай человѣкъ могъ бы наблюдать такое же безмолвіе и такую-же пустоту. На другомъ берегу Золотого Рога, глубокаго залива между старымъ Сералемъ и пристанью около Топъ-Хане, на правомъ берегу, соединенномъ съ лѣвымъ тремя понтоными мостами, весь амфитеатръ Константина ополя казался спящимъ. Неужели въ ту минуту никто не бодрствовалъ во дворцѣ Серай-Бурну? Неужели не было правовѣрныхъ, хаджи и богомольцевъ въ мечетяхъ Ахмеда-Баїзидіе, св. Софіи и Сулейманіе? Предавался ли отдохновенію беззаботный стражъ Сераскіерата, по примѣру своего товарища на Галатской башнѣ, которые оба наблюдаютъ за пожарами, такъ часто бывающими въ городѣ? Поистинѣ, казалось даже, что вѣчное и неугомонное движеніе въ гавани—и то какъ будто бы затихло, несмотря на то, что въ ней стоялъ цѣлый флотъ пароходовъ австрійскихъ, французскихъ, англійскихъ, барокъ, лодокъ, паровыхъ шлюпокъ, которые жались около мостовъ и около домовъ, фундаменты которыхъ омываются водами Золотого Рога.

Неужели же это тотъ самый прославленный Константинополь, эта мечта Востока, осуществившаяся по волѣ Константина и Магометовъ II? Вотъ вопросъ, который задавали себѣ два иностранца, бродившіе по площади; и если они на этотъ вопросъ ничего себѣ не отвѣтили, то причиною тому не было незнаніе юми языка страны. Они говорили по-турецки удовлетворительно, одинъ потому, что двадцать лѣтъ вель корреспон-

Константинополь.

денцию, другой, потому что часто служилъ секретаремъ своему хозяину, хотя онъ служилъ у него не болѣе какъ въ качествѣ слуги.

Это были два голландца родомъ изъ Роттердама, Янъ-Фанъ-Миттенъ и его лакей Бруно, которыхъ совсѣмъ особыя обстоятельства кинули сюда на самый край Европы.

Фанъ-Миттенъ, человѣкъ всему свѣту извѣстный, былъ мужчина сорока пяти, сорока шести лѣтъ, все еще блокурий, съ глазами небесно-голубого цвѣта, свѣтло-рыжими бородкой и баками, безъ усовъ, краснощекий, обладавшій носомъ нѣсколько коротковатымъ по пропорціи къ лицу, съ большою головою, широкими плечами, ростомъ повыше средняго, съ животомъ, обѣщающимъ дальнѣйшее распространеніе, съ ногами болѣе выигрывавшими съ точки зрѣнія прочности, нежели изящества, словомъ человѣкъ съ наружностью доброго малаго и истаго сына своей земли.

Со стороны духовной Фанъ-Миттенъ, быть можетъ, отличался нѣсколько излишнею мягкостью. Неоспоримо, что онъ принадлежалъ къ разряду людей тихихъ и общительныхъ, избѣгалъ ссоръ, готовъ былъ уступить всегда и во всемъ, созданъ былъ болѣе для того, чтобы повиноваться, чѣмъ повелѣвать. Такіе люди обычно спокойны и флегматичны; это тѣ, про которыхъ говорятъ, что у нихъ нѣтъ воли, даже въ томъ случаѣ, когда они сами думаютъ, что обладаютъ ею. Отъ этого, впрочемъ, они нѣсколько не бываютъ хуже. Только одинъ разъ за всю свою жизнь, Фанъ-Миттенъ, доведенный до крайности, вступилъ въ ссору, и ея послѣдствія были въ высшей степени многозначительны. На этотъ разъ онъ уже вполнѣ измѣнилъ своему характеру, но послѣ того вновь въ него вошелъ, подобно тому, какъ люди возвращаются въ свой домъ. По правдѣ сказать, быть можетъ было бы лучше, если бы онъ въ тотъ разъ уступилъ, да онъ, безъ сомнѣнія, и не поколебался бы уступить, если бы зналъ да вѣдалъ, что ему приуготовляеть будущее. Но не станемъ упреждать событій, которая составятъ поучительныя подробности этой исторіи.

— Ну, баринъ,—проговорилъ Бруно, когда оба они вышли на площадь Топъ-Хане.

— Ну, Бруно?

— Вотъ мы и въ Константинополь!

— Да, Бруно, въ Константинополь, т. е. за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Роттердама!

— Когда же, наконецъ, — спросилъ Бруно, — вы успокитесь на томъ, что мы уже достаточно удалились отъ Голландіи?

— Мнѣ никогда не будетъ казаться, что я достаточно далеко отъ нея, — отвѣтилъ вполголоса Фанъ-Миттенъ, словно бы опасался, что Голландія гдѣ-нибудь тутъ, поблизости, и можетъ услышать его слова.

Фанъ-Миттенъ въ лицѣ Бруно обладалъ преданийшимъ слугою. Этотъ добрый малый по виѣшности слегка походилъ на своего барина, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это позволяло почтительное чувство служителя. Это сходство было слѣдствіемъ долголѣтняго сожительства. Уже почти двадцать лѣтъ они не разставались даже ни на одинъ день. Если Бруно былъ менѣше, чѣмъ другъ, то все же былъ болѣе, чѣмъ слуга. Онъ несъ свою службу разумно, методически, не стѣснялся давать совѣты, изъ которыхъ Фанъ-Миттенъ извлекалъ свою пользу, рѣшался даже дѣлать выговоры, которые баринъ охотно выслушивалъ. Особенно бѣсило его то, что баринъ подчинялся рѣшительно всѣмъ и каждому, не умѣль никогда воспротивиться волѣ другихъ, словомъ, что у него не было характера.

— Это вамъ надѣлаетъ бѣды! — часто повторялъ онъ ему, да и мнѣ заодно съ вами!

Надо еще прибавить, что Бруно, которому стукнуло сорокъ лѣтъ, былъ по природѣ человѣкъ осѣдлый, и терпѣть не могъ странствованій. Кто утомляется путешествіями, тотъ причиняетъ ущербъ своему организму, выбивается изъ силъ, тоштаетъ, а Бруно, имѣвшій привычку еженедѣльно прикидывать себя на вѣсахъ, очень дорожилъ тѣмъ, чтобы ничего не утрачивать изъ своей основательной фигуры. Когда онъ поступилъ на службу къ Фанъ-Миттену, его вѣсъ не доходилъ и до ста фунтовъ. Такая худоба для доброго голландца почти унизительна. Однако, не болѣе какъ черезъ годъ, благодаря превосходному режиму, установившему въ домѣ онъ выигралъ въ вѣсѣ тридцать фунтовъ, и ему стало нестыдно показываться на глаза людямъ. Такимъ образомъ, онъ былъ обязанъ своему барину своимъ почтеннымъ благообразіемъ и вѣсомъ въ 167 фунтовъ, котораго онъ въ эту пору достигъ, и который вполнѣ ставилъ его въ добрую среднюю мѣру его земляковъ. Но онъ понималъ, что, до поры до времени, надо обуздывать свое тщеславіе, и мечталъ, что къ старости онъ еще успѣеть вогнать себя въ полныхъ двѣсти фунтовъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ШКОЛА РОБИНЗОНОВЪ.

[L'école des Robinsons].

Романъ.

 С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание П. П Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.

 КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невский, 98, уг. Надежд.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВЫ.

СТР.

I. Читатель можетъ, если захочетъ, купить по случаю острвъ среди Тихаго океана	3
II. Какъ Уилліамъ Кольдерупъ изъ Санть-Франциско состязался съ Таскинаромъ изъ Стокт.на	9
III. Подъ аккомпаниментъ рояля происходить разговоръ между Финой Голланей и Годфреемъ Морганомъ	16
IV. Читателю представляется съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей Т. Артелетъ, называемый Тартелеттомъ	22
V. Приготовленія къ отъѣзду и благополучное отбытие	27
VI. Читатель знакомится съ новой личностью	33
VII. Читатель убѣждается, что Уилліамъ Кольдерупъ не напрасно застраховалъ свой корабль	38
VIII. Годфрей приходитъ къ печальнымъ размышленіямъ относительно маніи путешествія	46
IX. Доказывается, что не все прекрасно въ профессіи Робинзона	54
X. Годфрей дѣлаетъ то самое, что сдѣлалъ бы всякий другой, потерпѣвшій крушеніе, на его мѣстѣ.	60
XI. Вопрѣкъ о жилищѣ разрѣшается такъ, какъ его возможно лишь разрѣшить	67
XII. Очень искати разражается восхитительнымъ ударомъ молніи	73
XIII. Годфрей замѣчаетъ во второй разъ легкій дымокъ, но на другомъ концѣ острова	79
XIV. Годфрей и его спутникъ находять вещь, выброшенную моремъ и оказывающую ей подобающій пріемъ	85
XV. Происходитъ то, что, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ должно произойти въ жизни каждого настоящаго или воображаемаго Робинзона	90
XVI. Тревога	96
XVII. Профессоръ Тартелетъ производить настоящія чудеса своимъ ружьемъ	102
XVIII. Моральное и физическое воспитаніе уроженца Полинезіи	108
XIX. Положеніе, и безъ того уже весьма серьезное, осложняется все болѣе и болѣе	115
XX. Тартелетъ повторяетъ на разные лады, что онъ хочетъ уѣхать	129
XXI. Совершенно невѣроятное замѣчаніе негра Карефина	123
XXII. Объясняется все, что казалось до сихъ поръ необъяснимымъ	138

I. Читатель можетъ, если захочетъ, купить по случаю
островъ среди Тихаго океана.

— Продается островъ, за наличныя деньги! Издержки за счетъ покупщика! Можетъ купить всякий, кто дастъ больше! — выкрикивалъ, не переводя духа, Динъ Фельпоргъ, аукціонистъ, завѣдывавшій столь странной продажей.

— Островъ продается! Островъ продается! — повторялъ еще болѣе рѣзкимъ голосомъ его помощникъ, Джинграсъ, расхаживая среди оживленно разговаривавшаго народа.

Это происходило въ большомъ аукціонномъ залѣ, въ домѣ № 10 улицы Сакраменто. Туда собирались и американцы изъ штатовъ Калифорнія, Орегонъ и Ута, нѣсколько французовъ, составляющихъ добрую шестую часть населенія, мексиканцы, завернувшіеся въ свои «сарапе», китайцы въ халатахъ съ широкими рукавами, въ башмакахъ съ заостренными носками, въ своихъ коническихъ шапкахъ, канаки съ острововъ Океаніи, даже нѣсколько представителей Черногоногихъ, Толстобрюихъ и Плосконогихъ, пришедшихъ съ береговъ Трините.

Сиѣшімъ прибавить, что сценой, гдѣ все это происходило, была столица Калифорніи Санъ-Франциско, много спустя послѣ времени знаменитой золотой лихорадки, когда Калифорнія привлекала къ себѣ искателей золота со всего свѣта. Въ описываемое нами время Санъ-Франциско уже былъ не тѣмъ, чѣмъ прежде, т. е. каравансараемъ, станціей, гостиницей, въ которой останавливались на ночлегъ разные авантюристы, спѣшившіе къ западному склону Сіеры-Невады на золотоносныя земли.

Уже прошло около двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на мѣстѣ неизвѣстной никому Ербы-Вуэны выросъ этотъ богатый городъ съ стотысячнымъ населеніемъ. Онъ былъ построенъ на склонахъ двухъ холмовъ потому, что на морскомъ побережїѣ

не хватало бы для него места. Этот городъ, затмившій Лиму, Санть-Яго и Вальпараізо, такъ же какъ и всѣхъ другихъ своихъ соперниковъ Западной Америки—сдѣлался королемъ Тихаго океана, «славой западнаго берега».

Въ этотъ день, 15-го мая, было довольно холодно. Въ странѣ, подверженной непосредственно вліянію полярныхъ течений, первые дни мая напоминаютъ послѣдніе дни марта въ средней Европѣ. Но холода совершенно не чувствовалось въ аукціонномъ залѣ. Колокольчикъ безпрестаннымъ звономъ привлекалъ новыя и новыя толпы народа, и температура помѣщенія вызывала на лицѣ у каждого присутствующаго обильныя капли пота. Не подумайте однако, что всѣ пришедши въ аукціонный залъ имѣли намѣреніе совершить покупку. Я даже скажу, что тамъ только и были одни любопытные. Въ самомъ дѣлѣ, какой безумецъ и при этомъ богачъ сталъ бы покупать у правительства Штатовъ островъ въ Тихомъ океанѣ? Поговаривали, что за него никто не дастъ ни цента, что не найдется такого любителя, который далъ бы себя втянуть въ эту игру. Но въ этомъ нельзя было обвинить аукціониста и его помощника, завлекавшихъ покупателей и восклицаніями, и жестами и самыми несдержанными похвалами продаваемаго острова.

Всѣ смыялись, но никто не двигался съ места.

— Островъ! Островъ продается! — повторялъ Джинграсъ.

— Но не покупается, — замѣтилъ одинъ ирландецъ, у когоаго въ карманѣ не было ни цента.

— Островъ, земля котораго стоитъ дешевле шести долларовъ за акръ! — выкрикивалъ его помощникъ, Динъ Фельпоргъ.

— И который не дастъ доходу и полушки на сто! — замѣтилъ толстый фермеръ, видимый знатокъ хозяйства.

— «Островъ, окружность котораго не менѣе шестидесяти миль *), а площадь двѣсти двадцать пять тысячъ акровъ **)!

— Достаточно ли онъ устойчивъ на свое мѣсто основаніи? — спросилъ старый мексиканецъ, устойчивость котораго казалась очень сомнительной въ ту минуту.

— Островъ съ дѣственными лѣсами! — кричалъ аукціонистъ, — съ лугами, съ холмами, рѣками...

— Съ гарантіей? — крикнулъ французъ, повидимому не облазненный никакими приманками.

*) 120 километр.

**) 90.000 гектаровъ.

— Да, съ гарантіей! — повторилъ Фельпоргъ, слишкомъ привыкшій къ своему дѣлу, чтобы волноваться шутками публики.

— На два года?

— До конца міра.

— И даже послѣ?

— Островъ въ полную собственность! — снова началъ Фельпоргъ, — островъ безъ вредныхъ животныхъ, хищныхъ звѣрей и присмыкающихся!

— Безъ птицъ! — прибавилъ какой-то весельчакъ.

— Безъ насѣкомыхъ! — крикнулъ другой.

— Островъ съ аукціона!.. — снова началъ Динъ Фельпоргъ, — ну же, граждане, у кого есть мужество въ карманѣ. Кому нуженъ островъ, въ отличномъ состояніи, почти не бывшій въ употребленіи, островъ Тихаго Океана, этого океана океановъ? Назначенная цѣна — ничтожна. Милліонъ сто тысячъ долларовъ *), кто покупаетъ?.. Кто говоритъ?.. Это вы, милостивый государь? Это вы?.. чего же вы качаете головой, какъ фарфоровый мандаринъ? Я продаю островъ!.. Вотъ островъ!.. Кому нуженъ островъ?

— Позвольте взглянуть, — сказалъ одинъ голосъ, такимъ тономъ, какъ если бы дѣло шло о картинѣ или китайской вазѣ.

И вся зала разразилась громкимъ хохотомъ, а за островъ все-таки никто не предложилъ даже полдоллара.

Однако, если нельзя было взглянуть на самый островъ, то планъ его все же былъ представленъ вниманію публики. Любители могли видѣть, что представляетъ этотъ клочокъ земли, затерянный въ океанѣ. Можно было видѣть его очертанія, общую картину, распределеніе почвы, ея рельефъ, гидрографическую сѣть, климатъ, пути сообщенія. Это не была бы покупка съ завязанными глазами, такъ какъ никто никого не вводилъ въ обманъ. Кроме того, газеты и журналы Соединенныхъ Штатовъ и Калифорніи, ежедневные, недѣльные и ежемѣсячные уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ твердили публикѣ объ этомъ островѣ.

Это былъ островъ Спенсеръ, лежавшій къ западу — юго-западу отъ бухты Санть-Франциско, въ четырехстахъ шести-десети миляхъ отъ берега Калифорніи, подъ $32^{\circ}15'$ съверной широты и $142^{\circ}18'$ западной долготы по меридіану Гринвича.

*) 2.500.000 рублей.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ЮЖНАЯ ЗВѢЗДА.

[L'etoile du sud].

Романъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание П. П Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невский, 98, уг. Надежд.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Чудаки, эти французы!	3
II. Въ странѣ брилліантовъ.	11
III. Немного науки, сообщенной по дружбѣ.	17
IV. Вандергаартскія кони.	25
V. Первая разработка.	31
VI. Нравы въ лагерѣ.	38
VII. Обвалъ.	48
VIII. Важный опытъ.	55
IX. Сюрпризъ.	60
X. Размышенія Джона Ваткинса.	67
XI. Южная Звѣзда.	78
XII. Приготовленія къ отъезду.	86
XIII. Черезъ Трансвааль.	92
XIV. Къ сѣверу отъ Лимпопо.	102
XV. Заговоръ.	110
XVI. Измѣна.	117
XVII. Африканская скачка.	125
XVIII. Говорящій страусъ.	130
XIX. Таинственный гротъ.	138
XX. Возвращеніе.	145
XXI. Венеціанское правосудіе	152
XXII. Конь новаго рода.	159
XXIII. Статуя камандора.	164
XXIV. Исчезнувшая звѣзда.	169

I. Чудаки эти французы.

— Ну-съ, я васъ слушаю!

— Милостивый государь, я имѣю честь просить у васъ руки вашей дочери, миссъ Ваткинсъ.

— Алисы?

— Да, сударь! Предложеніе мое васъ, кажется, удивляетъ, но извините меня, — я не нижу на то причинъ. Мнѣ двадцать шесть лѣтъ. Я — Сипріенъ Мере, горный инженеръ, кончилъ вторымъ Политехническую школу. Семья моя, хотя и не богата, но почтена и уважаема. Это могутъ засвидѣтельствовать французскій консулъ въ Капштадтѣ и другъ мой, Фарманъ Бартесъ, котораго вы знаете, какъ и другихъ въ Грикваланді. Сюда я присланъ академіей наукъ и французскимъ правительствомъ. Въ прошломъ году я получилъ премію за мою работу о химическомъ составѣ Овернскихъ вулканическихъ скалъ. Теперьшняя моя работа о Ваальскомъ алмазномъ бассейнѣ навѣрное будетъ тоже хорошо принята учеными. Когда я окончу свои работы здѣсь, я буду назначенъ адъюнктомъ въ парижское горное училище, и уже взялъ тамъ квартиру въ домѣ № 104, на Университетской улицѣ. Мое содержаніе съ января будетъ четыре тысячи восемьсотъ франковъ. Хотя это и не богатство, но прибавьте сюда мои частные заработки, экспертизы, работы въ научныхъ журналахъ, и оно удвоится. Вкусы мои скромны, мнѣ не надо много, чтобы быть счастливымъ, и я еще разъ имѣю честь просить у васъ руки вашей дочери.

Рѣшительный и твердый тонъ этой рѣчи свидѣтельствовалъ, что Сипріенъ Мере имѣлъ обыкновеніе говорить откровенно и идти рѣшительно къ намѣченной цѣли.

Внѣшность его соотвѣтствовала впечатлѣнію, производимому словами. Онъ имѣлъ лицо человѣка, занятаго всегда дѣломъ и

оставляющаго только самое короткое время для свѣтской суетности. У него были каштановые волосы, коротко остриженные, свѣтлая борода, подстриженная почти до кожи, простой изъ сѣраго тика дорожный костюмъ и соломенная шляпа цѣною въ 10 су, которую онъ вѣжливо снялъ при входѣ, несмотря на то, что его собесѣдникъ съ безцеремонностью, свойственной англо-саксонской рассѣ, оставался все время въ шляпѣ.

Все это вмѣстѣ взятое показывало въ Сибріенѣ Мере серьезный умъ, а его честный взглядъ свидѣтельствовалъ о добромъ сердцѣ и чистой совѣсти.

Нужно еще сказать, что молодой французъ говорилъ въ совершенствѣ по-англійски, такъ что можно было думать, что онъ много времени провелъ въ Англіи. Мистеръ Ваткинсъ его слушалъ, сидя въ деревянномъ, креслѣ, положивъ лѣвую ногу на соломенный табуретъ, курилъ длинную трубку и имѣлъ передъ собою столъ, на которомъ находилась бутылка съ джиномъ и стаканъ, наполненный этимъ напиткомъ.

Онъ былъ одѣтъ въ бѣлые панталоны, куртку изъ грубаго синяго полотна и рубашку изъ желтой фланели. На немъ не было ни галстука, ни жилета. Голову его покрывала огромная шуховая шляпа, и изъ-подъ ея полей виднѣлось красное, одуволоватое лицо, окаймленное жесткой бородой желтоватаго цвѣта. Два маленькихъ сѣрыхъ глаза, злые, нетерпѣливы, казались просверленными дырками на этомъ лицѣ.

Надо сказать, что мистеръ Ваткинсъ страдалъ подагрой и поэтому былъ принужденъ держать лѣвую ногу закутанной во фланель, а подагра, какъ извѣстно, въ этой странѣ, какъ и въ другихъ, не способствуетъ смягченію характера людей, суставы которыхъ она разъѣдаетъ.

Сцена происходила въ нижнемъ этажѣ фермы мистера Ваткинса, на 29° широты и 12° долготы, въ центрѣ англо-голландской Африки. Въ этомъ краю правый берегъ Оранжевой рѣки составляетъ южную границу Калахари, великой пустыни, которая на старыхъ картахъ называется страною Гриква, а послѣднія десять лѣтъ носить название Алмазнаго поля.

Комната, въ которой происходилъ разговоръ, была замѣчательна соединеніемъ глупой роскоши и фермерской простоты; полъ былъ глиняный, простой, но покрытъ бархатнымъ ковромъ и драгоцѣннымъ мѣхомъ. На стѣнахъ, не оклеенныхъ обоями, висѣли великолѣпные часы, драгоцѣнное оружіе, англій-

скія гравюры. Возлѣ простого деревяннаго стола, стоялъ бархатный диванъ и кресла, выписанные изъ Европы, но кото-рымъ Ваткинсъ предпочиталъ грубое деревянное кресло, сдѣланное его руками. Въ общемъ же эта комната съ разбросанными шкурами леопардовъ, пантеръ, жирафовъ и другихъ животныхъ имѣла видъ варварской роскоши какого-нибудь дикаря.

По потолку видно было, что домъ состоялъ только изъ одного этажа. Онъ былъ выстроенъ, какъ и другіе дома въ этой мѣстности, изъ досокъ и глины и покрытъ листовымъ цинкомъ, причемъ было видно, что онъ только что оконченъ. Если посмотретьъ направо и налево изъ его оконъ, то вокругъ можно было замѣтить пять или шесть строеній различной ветхости. Это были дома, выстроенные мистеромъ Ваткинсомъ по мѣрѣ увеличенія его богатства.

Самый старый изъ нихъ былъ сдѣланъ изъ дерна и имѣлъ видъ простой лачуги, второй былъ изъ глины, третій уже изъ глины и досокъ, а четвертый изъ глины, досокъ и цинка. Они являлись какъ бы показателями постепенного обогащенія Ваткинса. Всѣ эти полуразрушенныя зданія находились на холмѣ возлѣ имѣнія Ваала и Моддера. Окрестность, насколько хватало зреініе къ юго-западу и съверу, представляла обнаженную равнину «Вельдъ», какъ говорятъ въ странѣ, состоящую изъ красноватой сухой, пыльной бесплодной почвы, изрѣдка покрытой травой и колючими кустарниками. Деревьевъ совсѣмъ нѣтъ. Каменнаго угля нѣтъ тоже, сообщеніе съ моремъ очень затруднительно, топлива нѣтъ и для домашняго употребленія приходится пользоваться навозомъ. По этой однообразной унылой мѣстности текутъ двѣ рѣки, воды которыхъ находятся настолько въ уровнѣ съ своими отлогими берегами, что совершенно непонятно, какъ онѣ не разольются по всей долинѣ.

Только къ востоку горизонтъ перерѣзается двумя горами Платбергъ и Паардебергъ, у подножія которыхъ зоркій глазъ можетъ замѣтить пыль, хижины и движеніе живыхъ существъ.

Тамъ, въ этомъ Вельдѣ находятся алмазныя розсыпи: Дю-Туа-Панъ, Нью-Решъ и самая богатая, можетъ быть, изъ всѣхъ Вандергаартская. Эти розсыпи подъ открытымъ небомъ, почти на самой поверхности земли, известныя подъ общимъ названіемъ сухихъ розсыпей, дали въ продолженіе 1870 г. на четыреста миллионовъ рублей алмазовъ и другихъ драгоценныхъ камней. Онѣ находятся отъ фермы на разстояніи двухъ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ЖЮЛЯ ВЕРНА.

АРХИПЕЛАГЪ ВЪ ОГНѢ.

[L'Archipel en feu].

Р о м а нъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невский, 96, уг. Надежда.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Корабль въ открытомъ морѣ.	3
II. Другъ передъ другомъ.	14
III. Греки противъ турокъ.	22
IV. Печальный домъ богача.	30
V. Мессенійскій берегъ	45
VI. Гнать пиратовъ изъ Архипелага!	55
VII. Неожиданность.	66
VIII. Пущенные въ ходъ двадцать миллионовъ.	77
IX. Архипелагъ въ огнѣ.	86
X. Военные дѣйствія въ Архипелагѣ.	97
XI. Сигналы, остающіеся безъ отвѣта.	110
XII. Аукціонъ въ Скарпанто.	125
XIII. На палубѣ „Сифанты“	137
XIV. Сакратифъ.	145
XV. Раавязка	154

I. Корабль въ открытомъ морѣ.

18 октября 1827 г., около пяти часовъ вечера, небольшое левантское судно, придерживаясь попутнаго вѣтра, стремилось достигнуть до наступленія ночи порта Витило, расположеннаго при входѣ въ Коронскій заливъ. Этотъ портъ, древній Этилосъ Гомера, построенъ въ одномъ изъ трехъ узкихъ, глубоко вдающихся въ материкъ заливовъ, образующихъ въ моряхъ Іоническомъ и Эгейскомъ, какъ бы громадный листъ латаніи—сравненіе вполнѣ удачное, и часто примѣняемое къ южной части Греціи, извѣстной въ древности подъ именемъ Пелопоннеса, а въ новѣйшой географіи называемой Мореей. Одинъ изъ этихъ трехъ заливовъ, наиболѣе восточный,—заливъ Коронскій, отдѣляетъ Мессенію отъ Майны; другій, Мараѳонскій, широко омываетъ полукругомъ суровую Лаконію, а Навалисъ, отдѣляется Лаконію отъ Арголиды.

Гавань Витило принадлежитъ къ первому изъ трехъ названныхъ заливовъ.

Укрѣплена на границѣ его праваго берега, въ глубинѣ небольшой и неправильной бухты, окруженнага возвышеностями горы Тайгетъ, она, такимъ образомъ, прекрасно защищена отъ всѣхъ вѣтровъ Средиземнаго моря, а благодаря своему твердому дну считается одной изъ лучшихъ и безопасныхъ остановокъ.

Несмотря на то, что сумерки еще не наступили, приближеніе левантскаго судна съ набережной Витило не могло быть замѣчено. Ихъ раздѣляло пространство въ шесть-семь миль, и развѣ одинъ только краешекъ его самыхъ высокихъ парусовъ едва-едва вырисовывался на свѣтлой полосѣ горизонта.

Но то, что не могло быть замѣчено внизу, могло быть видно съ вершинъ горныхъ хребтовъ, возвышающихся надъ селеніемъ. Портъ Витило чрезвычайно живописенъ. Онъ построенъ амфитеатромъ по уступамъ крупныхъ скалъ, защи-